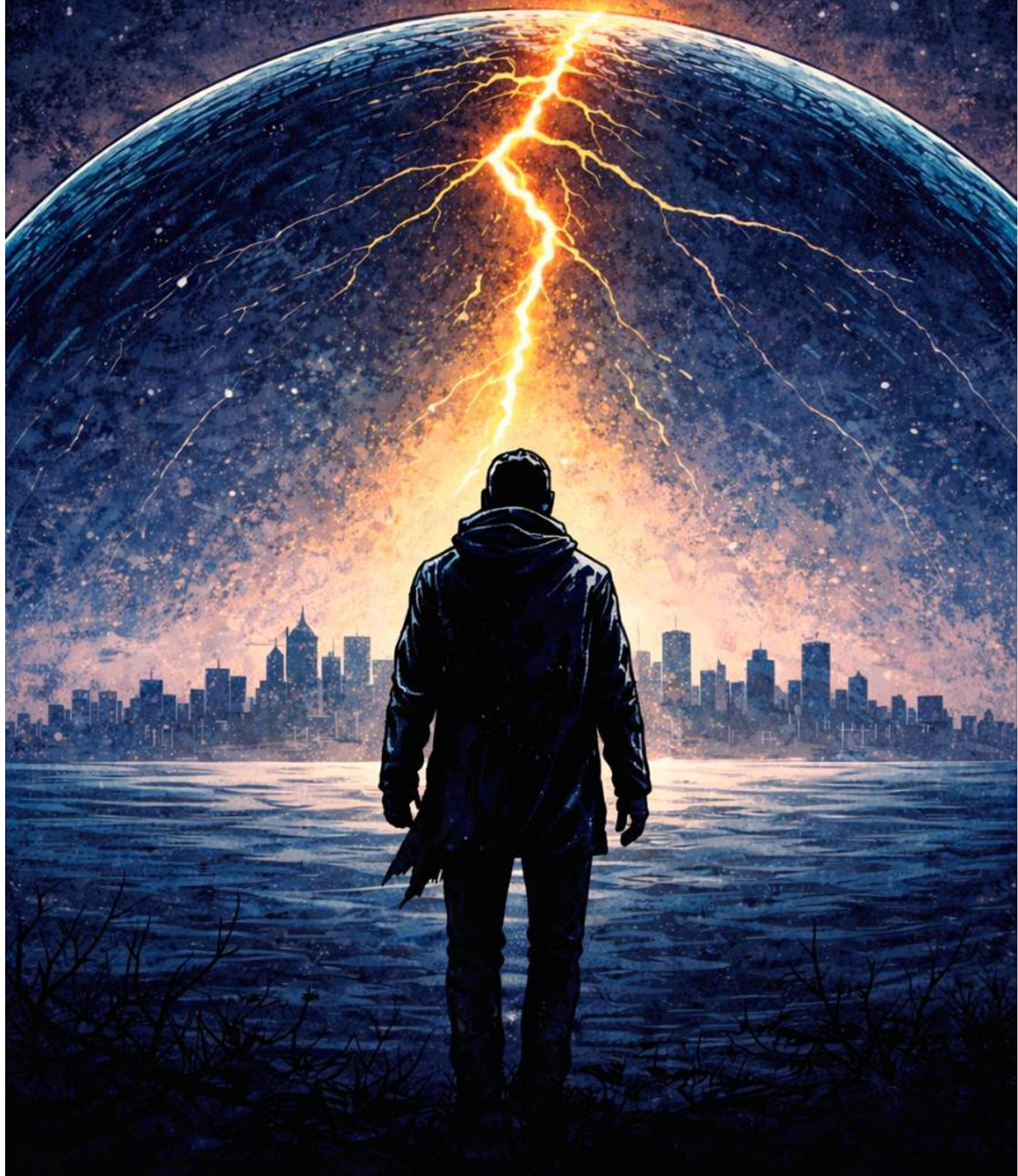

ПОСЛЕДНИЙ РАЗЛОМ

Ксения Хомякова

Последний разлом

«Автор»

2026

Хомякова К.

Последний разлом / К. Хомякова — «Автор», 2026

Город накрыт серым куполом. Власти говорят — снаружи ядовитый газ, и только под защитой купола можно жить. Лукас живёт на окраине, не работает и раз в месяц ездит в Центр к терапевту. Он принимает таблетки, страдает от жутких приступов паники и иногда видит тени, которых никто больше не замечает. Док уверяет, что это симптомы болезни. Лукас старается верить. Его поддерживает только старый рыбак, которого он по привычке называет Дедом. А по ночам ему снится женщина, чьё лицо он не может вспомнить.

© Хомякова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Ксения Хомякова

Последний разлом

Часть 1

13.10.443

Я чувствую, будто мне в грудную клетку засунули камень. Камень тяжелый и холодный. Когда я дышу, то чувствую его шершавые края, покрытые мелкими ямочками. Жить с камнем не очень приятно, потому что он мешает дышать, и иногда кажется, что ты во сне – пытаешься взлететь, но по факту просто делаешь какие-то странные пассы руками, похожие на плавание в надувном круге. У меня не очень хорошо получается объяснять, поэтому попрошу вас не ругаться. Все-таки я не писатель и не кто-то в этом духе. Вообще, этот дурацкий дневник меня буквально заставили вести. Наверное, чтобы отслеживать местоположение камня – как он движется в пространстве моего тела, и какие с ним происходят изменения. В конце концов, это серьезный прорыв в науке. Мало кто умудряется жить с камнем в груди. Может быть, я такой один во всем мире.

Док говорит, что никакого камня нет, но я знаю, что он просто врет, чтобы меня успокоить. Это же его работа – успокаивать людей. Если бы он плохо успокаивал, ему бы не платили. Ну или платили бы, но мало, и ему пришлось бы съехать со своих модных апартаментов. Апартаменты я не люблю еще сильнее, чем Дока. Вообще, я в принципе не люблю все, где слишком много света, воздуха и стекла. Стекло внушает мне неясное чувство опасности, и камень начинает особенно гнусно зудеть. Могут ли камни зудеть? Понятия не имею, я не биолог и не почвовед. Кстати, когда я учился в школе, всем, кто учился плохо или недостаточно, угрожали отправкой на факультет почвоведения. Возможно, это просто такое прикрытие для вживления камней в неокрепшие организмы. Так, кажется, я опять сбился с мысли. Так вот, я терпеть не могу стекла. Чем стекло больше, выше и, как сейчас модно говорить, панорамнее, тем более неуютно я себя рядом с ним чувствую. Иногда я слышу, как оно дрожит. Стекла ужасно непрочные, и я не понимаю, почему нельзя строить дома без них. На небе все равно не происходит ничего интересного, кроме вялого движения серых облаков, а на улице происходит исключительно какая-нибудь мерзость, на которую и смотреть-то не хочется.

Чересчурность света мне тоже не особенно нравится. Свет выжигает душу, превращая ее в голый скелет с подгоревшим мясом больных мыслей. Мысли обычно воняют дешевым машинным маслом. Хотя эту строчку надо вычеркнуть, потому что такое писать нельзя. Док говорил, что мысли не могут пахнуть. Он опять врет, но спорить с ним нельзя, это плохо кончится. Большие пространства хуже стекол и ламп вместе взятых. Мне нравятся места с низкой крышей, с уютом, с плотными стенами. Когда вокруг слишком много пустоты, она может начать вести себя чересчур фривольно. Например, щекотать или внезапно пинать в живот, так, что дыхание сбивается, и перед глазами начинают мельтешить мушиные искры. И почему-то все эти ненавистные мне состояния я вынужден раз за разом переживать, как будто мне недостаточно разнообразных мучений, которые свалились на мою голову.

Когда мы приходим домой, Дед каждый раз спрашивает, стало мне легче. Мне не становится, и, более того, эффект все эти сеансы имеют прямо противоположный. После них я либо злюсь, либо плачу. Это я делаю секретно, пока никто не видит. Не знаю, что хуже – злиться или плакать, но Деда раздражают оба этих состояния. Если честно, я понятия не имею, зачем он вообще так со мной носит. Он давно мог бы оставить меня одного, раз я причиняю ему столько неудобств. Я даже не могу выучить, как его зовут, просто он похож на какого-то деда из

рекламы морковных палочек. Когда я спросил, сколько ему заплатили за съемки, он швырнул в меня чайником. Не попал, кстати. Наверное, в старости зрение действительно ухудшается.

Впрочем, чайник – это даже хорошо. Горячая вода полезна для нервов. Так говорил Док, а он человек образованный, ему виднее. Правда, потом он же говорил, что нервов у меня почти нет, а есть только какие-то сбои в химии головного мозга. Не знаю, как химия может болеть.

Кстати, после сеансов камень обычно ведёт себя странно. Сначала он как будто тяжелеет, оседает глубже, и я начинаю дышать чаще, потому что лёгкие работают неравномерно. Потом, через какое-то время, появляется зуд – не снаружи, а изнутри, будто по его поверхности кто-то проводит металлической щёткой. От этого становится очень трудно сидеть спокойно. Наверное, если просунуть руку между рёбрами, я бы смог его почесать. Это глупая мысль, потому что руки туда не пролезают, и вообще люди не устроены так, чтобы чесать внутренние органы. Хотя было бы удобно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.